

Е. А. Черкасова, г. Тюмень

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ НА ФОНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. С. СОЛОВЬЕВА

В статье на материале публицистических работ В. С. Соловьева анализируются воззрения философа на проблему национальной идентичности в сопоставлении с европейским сознанием.

Вопрос о национальном сознании занимает важное место в творчестве В. С. Соловьева. Этой проблеме он посвятил ряд статей, собранных в единое издание — «Национальный вопрос в России» (два выпуска), включая «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Понимание Соловьевым лексемы «сознание» имеет более обобщенный характер, нежели в современном автору толковом словаре В. И. Даля: «Сознать, — <...> утвердившись в истине, признать или понять ее, изменить прежнее мнение свое»; «сознание — <...> сознание себя». Это понимание в большей мере связано с нынешней трактовкой данной лексемы: «уже сама грамматическая структура слова «сознание» (со-знание) наводит нас на мысль о том, что сознание тесно связано с областью человеческого знания, <...> которая понятна многим (совместное знание)» [Словарь 2007: 527]. Именно о «совместном знании» и будет говорить Соловьев в статьях, объединенных общей темой — «национальный вопрос».

Соловьев рассматривает не только русское национальное сознание, но и понимание (а отсюда — соотносительность) европейского сознания, в связи с чем становится возможным осмысление роли и места России как в науке, мировой политике, мировом искусстве и — шире — мировой истории. Десятилетний период написания и выхода статей (1880-е — начало 1890-х гг.) с учетом того, что творческий период жизни Соловьева исчисляется примерно тридцатью годами, указывает, что данный вопрос был достаточно важен для философа-поэта и занимает особое место в его наследии. Обращение к теме русского национального сознания в творчестве Соловьева неслучайно, ведь журнальным названием второго выпуска рассматриваемого сборника было «Очерки из истории русского сознания». В предисловии к этому сборнику Соловьев отмечает, что здесь не столько вопрос сосуществования различных наций в одной стране, но вопрос «о достойном существовании», возможном лишь при соблюдении нравственного закона, который «один для всех и во всем». Рассуждения Соловьева в предисловии о нравственном долге народа как такового (обобщенное понимание) и народа как элемента, существующего в каждой стране (частное явление), свидетельствуют о распространении идеи философа о всеединстве на пространство данной тематики. Это подтверждается высказываниями автора о том, что народ «должен признать себя <...> частью вселенского целого», что «он должен признать свою солидарность со всеми другими живыми частями этого целого». Из всех народов, перед каждым из которых стоит высшая нравственная цель, Соловьев

выделяет «русский народ», «высший идеал» последнего «вполне согласен с нравственными требованиями и исключает всякое национальное самолюбие и самомнение».

В первой статье книги «О народности и народных делах России. 1884» Соловьев только намечает точки соприкосновения и основные отличительные моменты русского и европейского народов, размышляет о «*высшей цели*» служения каждого народа. В вопросе о «*высшей цели*» каждого народа автор приходит к выводу, что тот народ обречен на «нравственное одиночество», который ставит «в силу национального принципа, служение *своей* народности как *высшую цель*». Таким образом, Соловьев, на наш взгляд, приходит к понятию народного сознания народов всего мира как единого целого — «эта цель не может не быть у него (народа — Ч. Е.) общою с другими народами». Для Соловьева принципиален вопрос о неразделении народов на пути достижения «высшей цели». Он приводит в тексте свой «принцип национальностей» (противоположный «народному эгоизму»), проявляющийся в требовании «международной *справедливости*, в силу которой *все* народности имеют *равное* право на самостоятельное существование и развитие» [Соловьев 1901: 22]. Вопрос о народности как некоем элементе отдельно взятого человека и общества в целом Соловьев решает следующим образом: он не призывает служить людей своей народности и делать из нее «высшую идею». Наоборот, по Соловьеву, народность — «живая *сила* природная и историческая», призванная «служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование» [Соловьев 1901: 22]. Признавая народ «великой *земной силой*», философ отмечает, что для того, чтобы народу быть «*творческой силой*», ему необходимо быть «*открытым*» внешним воздействиям. Отталкиваясь от этой идеи, Соловьев во втором выпуске поместит статью «Несколько слов в защиту Петра Великого» (1888), открывшего Россию «внешним воздействиям», в большей степени европейским.

Для определения основ, на которых зиждется русское национальное сознание, обратимся к статье философа «Славянский вопрос». В ней Соловьев говорит об «исконной противоположности <...> духовных начал», а именно о «восточном православии и западном католичестве». Одной из первых отличительных особенностей «славянского племени» Соловьев называет «склонность к розни и междоусобиям, неспособность к единству, порядку и организации». Философ анализирует явления «западничества» и «славянофильства» в русской литературе и общественной жизни, упоминает о принципиальных различиях, характерных только для России и Европы. Автор выводит Россию из ряда европейских стран, отводя ей важную роль, предлагая отечественному «национальному направлению» сконцентрировать силы на «высших духовных задачах» и, что самое важное, — «на том новом слове, которое Россия несет миру, на том великом всемирном деле, которое она должна совершить» [Соловьев 1901: 54]. Единством русского и европейского национального сознания, по Соловьеву, является всемирная церковь, оно (единство) проявилось в победе над ересью и в установлении

«православия» [Соловьев 1901: 56]. Сталкивая точки зрения западников и славянофилов, Соловьев находит истину в точках соприкосновения, а именно во взаимодействии России и Европы. «Истинным основанием нашего национального сознания» философ называет признание славянофилами «православия вселенской церкви за высшее начало нашей жизни».

Следующая статья книги «Что требуется от русской партии? 1886» посвящена видению идеального русского политического образования, представляющего исключительно интересы народа страны. По мнению автора, «русские духовные силы» находятся в «крепостной зависимости». Сравнивая политическую систему Германии и России, Соловьев отмечает, что «партия в Германии есть исключительно государственная», в России же политическая партия должна иметь несколько иной характер. Особенность русской партии, по мнению философа, заключается в том, что она «никак не может быть исключительно или даже преимущественно политической партией: тогда она не будет русской». Сама идея политики ради политики противоречит учению Соловьева. Философ приходит к выводу, что русская партия должна быть той, для которой государство является только средством, «дающим народу возможность жить по-своему», ограждать народ от «насилия чужих исторических стихий» и обеспечивать русскому народу «известную степень материального благосостояния», что будет обеспечивать стране «самостоятельную и своеобразную национальную политику» [Соловьев 1901: 72]. Духовной потребностью русского народа, по Соловьеву, является «полная свобода вероисповедания, свобода народного мнения и слова». Отметим, что, говоря о таком понятии, как «русская партия» (не политическое, но отвечающее запросам русского народа образование), Соловьев часто употребляет такую лексему, как «духовность» (и производные от нее слова). Это говорит об особом статусе России среди других государств, а также близости в данном плане взглядов Соловьева точке зрения славянофилов.

В последней статье («Россия и Европа». 1888) первого выпуска «Национального вопроса в России» философ вступает в полемику с автором одноименной книги («Россия и Европа») Данилевским. В этом споре Соловьев выделяет несколько пунктов, по которым и выстраивает свой текст: народ и сельское хозяйство России и Европы, русская и европейская наука, философы России и Европы, русские и европейские изящная литература и искусство, а также национализм в России. Соловьев ищет основания для обнаружения в России творческого потенциала в стремлении к «высшей, духовной культуре» в различных слоях общественной жизни (науке, искусстве, литературе, философии). Сравнивая западную и русскую науки («преимуществом науки точные»), Соловьев говорит о значительном преимуществе русской науки перед европейской. Оно заключается в том, что несмотря на то, что русская наука «имела меньше времени для своего развития, нежели наука западной Европы», тем не менее русские ученые «могли работать на расчищенной почве, строить на крепком фундаменте» [Соловьев 1901: 84]. С другой стороны, философ признает русскую науку как часть европейской.

В становлении науки в России большую роль сыграла европейская школа, которая выступила в совокупности со способностями русских «ко всем наукам» элементом, сформировавшим русскую науку. Безусловность связи русской и европейской наук автор показывает на примере Коперника, при этом ставя под сомнение то, что Россия «вне европейской науки» способна создать «свою особую, самобытную славяно-русскую науку» [Соловьев 1901: 86]. На основании того, что Соловьев не находит каких-либо значительных успехов в русской науке, он говорит о ее упадке, а также о том, что «русские способны участвовать в общеевропейской деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы и голландцы» [Соловьев 1901: 86].

В. С. Соловьев не разделяет русское национальное сознание и духовность, так как наука в его версии, являясь «совокупностью точных и положительных знаний», есть лишь «служебная сфера духовной деятельности, где умственное творчество имеет мало простора и где поэтому самобытность национального и племенного духа не может найти своего настоящего выражения». Отсюда и вывод, что у России (как у «духовной» державы) свой особенный путь в науке, отличный от европейского [Соловьев 1901: 87]. Соловьев рассматривает философию как единственную науку, способную «возвести цельное умственное здание» [Соловьев 1901: 87]. Национальной философии в России, по мнению Соловьева, нет, так как «все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию». В продолжение этой мысли автор замечает, что «никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем: все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одною пустою претензией» [Соловьев 1901: 88]. Однако и в этой области автор не отнимает у русских самой способности к «умозрительному мышлению», он признает, что «русская даровитость» лишь воспринимает чужую философию, но это не оказывается ее «положительным призванием». Философию в России могли черпать из трудов «аскетических писателей православного Востока», которые все же не смогли превратиться в «основу нового славяно-русского просвещения» [Соловьев 1901: 89]. При этом отличительной особенностью «русского общества», на его взгляд, является «умственная подвижность». Соловьев доказывает наличие в русской философии мистических начал, что не позволяет более конкретно говорить о развитии философии, он также замечает, что она, «наверное, никаких плодов не принесет на почве нашего национального мистицизма» [Соловьев 1901: 92]. Так, возникает в рассуждениях Соловьева в связи с русским национальным сознанием еще одно важное понятие — «мистицизм» (первая лексема — «духовность»).

Следующим пунктом полемики Соловьева с Данилевским является изящная литература и искусства. Данный сегмент национального сознания оказывается более успешным в развитии на фоне остальных и даже признанным в Европе — таковым, в частности, является русский роман, ставший «громкой известностью» за рубежом. Среди лириков чистой поэзии Соловьев называет конкретных авторов с мировым именем — Пушкина и Лермонтова, а также «несколько лириков, которыми могла бы гордиться

любая европейская литература» [Соловьев 1901: 92]. По мнению Соловьева, «культурно-исторический тип» в России еще только складывается, тем самым уже существующие работы в литературе и искусствах могли бы «представлять хороший положительный задаток великого будущего» [Соловьев 1901: 93]. При этом автор замечает, что все произведения, которые так или иначе были успешными за границей, принадлежат перу романистов, которые уже являются «или покойниками, или инвалидами», а новое, современное Соловьеву, поколение писателей вряд ли будет успешным в Европе, потому что последняя «никогда не будет читать их произведений» [Соловьев 1901: 93]. Оценивая художественные достоинства русской литературы, Соловьев пишет, что она идет «по нисходящей линии».

Несомненным, тем не менее, для автора является то, что культурно-исторический тип, к которому принадлежит Россия, «внеевропейский русско-славянский тип <...> есть лишь предмет произвольных чаяний и гаданий, ибо никаких положительных задатков новой самобытной культуры наша действительность не представляет» [Соловьев 1901: 94]. При этом Соловьев не отрицает самобытность «национальную», что особенно важно в разрезе сравнения русского и европейского национальных сознаний. Признавая наличие в России национальной самобытности, философ говорит, что она не является обособленной, что она, безусловно, индивидуальна, но лишь в ряду европейских стран. Это также подтверждается на уровне рассуждений автора о русском романе, который, на его взгляд, отличается от европейского не в корне, а имеет с ним лишь видовое различие: «Русский роман есть один из видов *европейского* романа не только по форме, которую мы получили готовую с Запада, но также и по внутренним особенностям, которые представляют лишь видовые, а не родовые отличия относительно европейских литератур» [Соловьев 1901: 95]. Исходя из рефлексии русской и европейской литератур, Соловьев приходит к более широкому выводу, что является особенно показательным: «Как русская изящная литература, при всей своей оригинальности, есть одна из европейских литератур, так и сама Россия, при всех своих особенностях, есть одна из европейских наций» [Соловьев 1901: 95].

Теоретически подготовив почву в первых статьях книги «Национальный вопрос в России» об открытой и способной к воспроизводству новых идей системе (нации), в этой статье Соловьев уже конкретизирует данное явление, применяя схему к феномену «русская нация». Только при тесном взаимодействии с Европой, на его взгляд, «русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина)». Характеризуя деятельность Петра Великого, философ оценивает действия правителя в отношении его внешней и внутренней политики достаточно высоко и характеризует российский народ времен Петра с двух сторон — как народ, обладающий «духовной самобытностью», которая смогла проявиться лишь после появления в России «европейской школы», и как нуждающийся народ, нужда которого происходила от «невежества и дикости». Именно «духовная самобытность» вкупе с «невежеством и дикостью» оказываются, согласно

Соловьеву, одними из отличительных черт русского национального сознания в сравнении с европейским [Соловьев 1901: 28–29]. Примечательно, что в один ряд с таким всеобъемлющим и обобщающим понятием, как «реформа», Соловьев ставит именно поэзию (хотя перед этим автор полемизировал по поводу философии и др.). Очевидно, что это явление в искусстве для Соловьева является первостепенным, наиболее значимым среди остальных.

В книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (с включением краткой повести об Антихристе и с приложениями) соотношение русского и европейского сознаний приобретает несколько иной характер — теперь это часть речи субъектов разговора. Интересно, что слова, позволяющие сравнить Россию и Европу, автор приписывает герою, обозначенному в тексте как Политик. Говоря о значении войны в мировой истории, Политик говорит: «Но затем значение войны становится все более и более подлежащим вопросу, и в настоящее время <...> военный период истории кончился в России, как и везде. Ведь то, что сейчас было сказано мною о нашем отечестве, применимо <...> и к другим европейским странам» [Соловьев 1903: 498]. Власть России и Европы различна, при этом российская признается более деспотичной (суровой): «ведь они (турки — *Ч. Е.*) хорошо понимают, что под русскою властью им не очень-то будет выгодно проявлять «свою национальную физиономию-ту» [Соловьев 1903: 504]. Понимание России как европейского государства утверждается в речи Политика: «<...> под *особою* задачею русской политики вы разумеете такую, которая ставилась бы и разрешилась Россией отдельно и наперекор стремлениям всех прочих европейских наций» [Соловьев 1903: 509]. Вторым героем «Трех разговоров...», соотносящим Россию и Европу, оказывается Г[-н] Z, который, оценивая политическую ситуацию, говорит об особом положении России в мире: «Со стороны собственно политической не кажется ли вам, что, присоединяясь к одному из двух враждебных лагерей на континенте Европы, мы теряем выгоду своего свободного положения как третьего беспристрастного судьи, или арбитра, между ними, теряем свою сверхпартийность» [Соловьев 1903: 505].

Русские, по Соловьеву, как культурно-исторический тип находятся в процессе формирования, в то время как европейский культурно-исторический тип уже сложился. Это обусловлено различными историческими условиями развития стран. Русская жизнь самобытна и оригинальна, но она такова, лишь оставаясь открытой, только любящаяся к развитию система может производить «действительно великие явления».

Список литературы

1. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2007.
2. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. СПб.: Общественная польза, 1901-1907.
3. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. СПб.: Общественная польза, 1903.